

молотцов, то уже все дела готовое, чем вас, безбожных поганых турков, завтра потчивать“.¹

Враги-гости, гости „немилые“, которым готовится „чаша“ или которые сами готовят русским войскам „чашу смертную“, — образ, повторяющийся в поздней русской исторической повести: Сказание о Мамаевом побоище и Казанская история уже использовали эту народную символику. Однако только Азовская повесть подчеркивает в этом эпитете „гости“ и в обещании „потчивать“ их презрительно-насмешливое отношение к врагам. Потому-то вместо несколько приподнятого образа „чаши“ или даже „смертной чаши“ они обещают „потчивать“ своих гостей, чем „в Азове городе бог послал“, прямо намекая на боевые запасы. Так автор придал фольклорному в своей основе символу бытовую конкретность, не сбившись на книжный образ „смертной чаши“ — „горькой смертной чаши“, как это мы наблюдаем у его предшественников.

Возможно, что не без помощи песенной фразеологии автор Поэтической повести своеобразно построил рассказ турецких „языков“ о „страшном видении“, которое будто бы явилось осаждавшим войскам накануне их отступления от Азова: „шла великая и страшная туча от Руси от вашего царства Московского. И стала она против самого табору нашего...“ (стр. в третьей редакции: „идет с Руси туча великая и страшная грозная от вашего российского царства“).²

Еще в „Слове о полку Игореве“ выражение „черные тучи с моря идут“ — метафора, изображающая наступление половецкого войска. Однако в дальнейшей исторической повести XIV—XVI веков применяют образ тучи как представление о всяком сильном войске; так, и в Задонщине „силнии тучи съступалися... съступалися русские сынове с погаными татары“, и в Казанской истории русские войска „яко грозные тучи с великим громом“. И если в рассказе турецких языков „великая и страшная туча“ — вражеское для них русское войско, то Историческая повесть об Азове тем же образом определяет казачье войско: „и быть аки великиа туча грозная восходила“.³

В песенном применении этот образ „войска — тучи“ находим уже в песне, записанной в 1619 году:

А не сильная туча затучилася,
а не сильнии громы грянули,
куде едет собака Крымский царь
а ко сильному царству Московскому.⁴

Трудно отделить в описании войск и боевых столкновений в Поэтической повести обычные несколько гиперболизированные образы воинской повести от эпических песенных воинских картин. Несомненно, в задачу автора входило усилить впечатление от описания осады Азова, создать представление об огромных размерах вражеского войска, чтобы тем самым подчеркнуть заслугу защитников крепости; поэтому приподнятость повествования была ему необходима. Но в то же время не следует забывать, что под Азов действительно пришла огромная армия из турецких и наемных полков, поэтому нельзя целиком считать „литературным приемом“ патетику воинской фразеологии повести: „от силы их многия и от уристанья их конского земля

¹ А. С. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове, стр. 192.

² Там же, стр. 202.

³ Там же, стр. 57.

⁴ Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. СПб., 1907, стр. 12.